

Миронова Н.И.

Московский государственный университет, Москва

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ НА РАЗНЫЕ КОНФЛИКТОГЕНЫ

Дискурс в условиях конфликта определяется действием разных конфликтогенов. Конфликтогенами называют слова, действия (или бездействие), которые способны привести к конфликту. Часто на конфликтоген отвечают еще более сильным конфликтогеном (закон эскалации конфликтогенов), но возможна и противоположная реакция – «благожелательный посыл». К данной категории относятся такие реакции, как вежливый ответ, улыбка, проявление внимания, сочувствие, уважительное отношение, похвала, комплимент и т. п.

Большинство конфликтогенов можно отнести к одному из следующих пяти типов: стремление к превосходству; проявление агрессивности; проявление эгоизма; нарушение правил; неблагоприятное стечение обстоятельств. Конфликтогены различают по характеру (явный – скрытый) и силе (сильный – слабый) [4, с. 242-253].

Целью нашего исследования явилось определение гендерных особенностей вербальной реакции на разные по типу, характеру и силе конфликтогены. В статье представлены результаты пилотажного эксперимента, проведенного в московских вузах в 2013–2015 гг.

Описание эксперимента. Участниками нашего пилотажного эксперимента стали 130 студентов различных московских вузов: 65 представителей женского и 65 мужского пола в возрасте от 17 до 26 лет. Все они постоянно (или долгое время) проживают на территории России, и русский язык для них является родным. Респонденты отвечали на вопросы анкеты, в которой были отражены 6 повседневных ситуаций («Транспорт», «Столовая», «Пожилая женщина», «Гардеробщица», «Соцпрос», «Приятель»). Предлагалось выбрать один из пяти вариантов ответа, соответствующих ситуациям и составляющих своеобразную шкалу. На одном полюсе помещался отказ от коммуникации (вариант 1), на другом полюсе – агрессивное физическое действие (вариант 5). Между ними располагались: вежливый ответ (вариант 2) с формальным показателем вежливости (*пожалуйста; извините; нельзя ли*); нейтральный ответ (вариант 3 – *Не нужно проходить без очереди!*); грубый ответ (вариант 4) с формальным показателем грубости (инвективой). Студентам предлагалось выбрать тот вариант ответа, который соответствовал их обычному, наиболее частому поведению в подобной ситуации. Для уменьшения влияния на ответы так называемой «социальной желательности» соблюдалась анонимность. Здесь мы приводим для примера только одну из ситуаций, полностью анкета представлена в [3].

Ситуация 6. *Вам с приятелем поручили подготовить презентацию. Вы разделили материал пополам и договорились в нужное время сделать совместный доклад, но приятель на занятие не пришел, не предупредив Вас, и Вы получили неудовлетворительную оценку.*

□ Вы ничего ему не говорите (возможно, бросив на него презрительный взгляд).

□ Вы говорите: «Пожалуйста, объясни, почему ты не пришел на занятие?».

□ Вы говорите: «Ты меня очень подвел, друзья так не поступают!».

□ Вы говорите: «Ты (инвектива), ну кто так делает, у меня теперь из-за тебя двойка!».

□ Прекращаете все отношения с ним (возможно, высказав ему все, что Вы о нем думаете).

Обсуждение результатов и выводы. Ответы респондентов были разделены на три группы: ответ № 1 (двусмысленный); ответ № 2 + ответ № 3 («зона вежливости (ЗВ)»); ответ № 4 + ответ № 5 («зона

грубости (ЗГ)). Ответы в «зоне вежливости» демонстрировали тактику бесконфликтного поведения, избегания конфликта, а ответы в «зоне грубости», наоборот, способствовали эскалации конфликта. Ответ № 1 был амбивалентен, он мог привести как к эскалации конфликта, так и к его затуханию, поскольку допускал использование невербальных средств – показателей агрессии. Это, например, презрительный взгляд, раздувающиеся ноздри, сдвинутые к переносице брови, усмешка и др. Даже отказ от коммуникации мог рассматриваться как проявление скрытой агрессии.

Было установлено, что московские студенты обоего пола в ситуации случайного конфликта чаще выбирали неагрессивную модель поведения, ведущую не к эскалации, а к затуханию конфликта (ответов в ЗВ было 56.3%, а в ЗГ – 13.6%). При этом студентки оказались более миролюбивыми. Они выбирали вежливый или нейтральный ответ в 7.3 раза чаще, чем грубый, а студенты – только в 2.7 раза чаще.

Количество ответов в ЗВ у студенток, в отличие от студентов, по всем ситуациям превалировало над количеством ответов в ЗГ, и в некоторых случаях значительно (по ситуации «Соцпрос» соотношение ЗВ : ЗГ составило 54.4). А у молодых людей мужского пола по одной из ситуаций («Приятель») количество ответов в ЗГ превысило количество ответов в ЗВ.

Нами была установлена корреляция характера (явный – скрытый) и силы (сильный – слабый) конфликтогена с соотношением количества ответов в «зоне вежливости» и в «зоне грубости», и здесь тоже проявились гендерные различия. А вот тип конфликтогена на выбор ответа повлиял лишь косвенно, в силу связи с характером конфликтогена (явный – скрытый) и его силой (сильный – слабый).

В случае явного сильного конфликтогена отношение ЗВ : ЗГ было не очень велико. В среднем по ситуациям с таким конфликтогеном («Транспорт», «Пожилая женщина») оно составило у мужчин 4.1, а у женщин – 6.4. А в случае скрытого слабого конфликтогена отношение ЗВ : ЗГ значительно увеличивалось. В среднем по ситуациям с подобным конфликтогеном («Соцпрос», «Гардеробщица») отношение ЗВ : ЗГ составило у мужчин 13.0, а у женщин – 36.9, т. е. наблюдались гендерные различия.

Гендерные особенности были обнаружены и в частоте использования определенного варианта ответа. Абсолютно во всех ситуациях студенты мужского пола значительно чаще использовали вариант ответа № 4, содержащий инвективу: у них таких ответов (в сумме по всем ситуациям) 14.6%, а у студенток – только 4.9%. Особенно ярко это проявилось в ситуации «Приятель», единственной

ситуации, по которой у студентов мужского пола количество ответов в ЗГ (56.9%) превысило количество ответов в ЗВ (38.5%). При этом из 56.9% ответов 52.3% составил ответ № 4. Но этот факт не дает нам права утверждать, что студенты более агрессивны, чем студентки, поскольку функции инвективы отличаются большим разнообразием. Это и установление / поддержание контакта, и манифестация отношения «свой» из категории «свой-чужой» [1], и особенности молодежного (мужского) сленга, и языковая игра и пр. У студенток и в этой ситуации количество ответов в ЗВ превысило количество ответов в ЗГ.

Итак, можно сделать вывод о том, что особенности вербального поведения в ситуации конфликта зависят от типа, характера и силы конфликтогена, а также от особенностей конкретной коммуникативной ситуации (субъективных и объективных ее параметров) [2, с. 95-113]. Гендер коммуниканта также влияет на степень агрессивности поведения в конфликте: при случайном конфликте у студенток больше реакций на конфликтоген в «зоне вежливости». Кроме того, в ситуации со скрытым слабым конфликтогеном они чаще, чем студенты, предпочитают ответы, ведущие к затуханию конфликта.

Литература

1. Жельвис, В.И. Инвективная агрессия в ряду эмотивных средств / В.И. Жельвис // Социальная психоллингвистика: хрестоматия. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 278-334.
2. Миронова, Н.И. Отражение характеристик коммуниканта в речевом поведении (когнитивный анализ) / Н.И. Миронова. – М: Флинта: Наука, 2008. – 312 с.
3. Миронова, Н.И. Является ли речевая агрессия нормой общения? / Н.И. Миронова // Психология общения и доверия: методология, теория, практика: Материалы междунар. конф., 6-7 нояб 2014 г. – М.: УРАО, 2014. – С. 738-742.
4. Шейнов, В.П. Искусство управлять людьми / В.П. Шейнов. – Минск: Харвест, 2004. – 512 с.